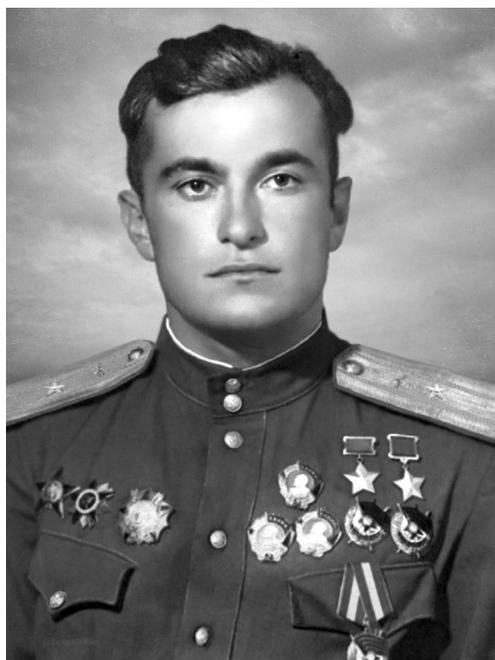

100 лет со дня рождения Амет-Хана Султана

Ольга Ефимова

Полёт орла

158

ЗНАМЕНИТАЯ вершина Ай-Петри отсюда выглядит гигантским замком с зубцами сахарных башен, за которые цепляются небеса. Высота такая, что кружится голова, и только орлы селятся в этих местах. Орлы рождаются не только в горах, но и у их подножья, как здесь, в южном городке Алупке...

Минул целый век, сто лет со дня появления на свет удивительного человека, легендарного лётчика Амет-Хана Султана (Амета Султановича Амет-Хана). Он родился в солнечном селении Алупка, где смешиваются стихии гор и воды, где зелёные улочки сбегают к лазоревому морю, а отчий дом, прилепившийся к крутому склону, напоминает птичье гнездо. «Я и хан, и султан», – говорил он, смеясь, про своё имя – имя, которое мальчику дали родители: отец Султан – лакец по национальности и мать Насиба – крымская татарка. Для себя Амет-Хан выбрал национальность матери и указывал её во всех анкетах, даже когда это было невыгодно и опасно. Но разве орлы ищут выгоду или боятся?

К пернатым гордым птицам у Амета сложилось особое отношение. В детстве он любовался их полётом, случалось, видел совсем близко, когда водил отдыхающих по тропам Ай-Петри на плато и к знаменитым зубцам. Для местных мальчишек такие сопровождения были возможностью подзаработать в сезон. Сколько раз мальчик Амет с завистью смотрел на крылатых хищников, парящих в недоступных людям высотах. А потом над Ай-Петри стали летать железные птицы, и они поднимались, куда выше живых орлов, – прогресс шёл по стране семимильными шагами. Не хотел отставать от него и Амет-Хан и отправился обучаться лётному делу в Симферопольский аэроклуб. Мог ли он

тогда предположить, что небо и самолёты станут его профессией, судьбой, всей его жизнью?

В 1939 году подающего надежды юношу направили в Качинскую военную авиационную школу. После был авиационный полк под Кишинёвом, где младшего лейтенанта Амет-Хана Султана застал июнь 1941-го. Ранним утром 22 числа эскадрилья Амет-Хана поднялась в воздух, чтобы проверить данные о нарушении границы. Нарушения в последние месяцы случались часто, но сейчас лётчики увидели устрашающую, неосознанную пока до конца картину. Через реку Прут нескончаемым потоком катили танки, автомашины, мотоциклы – германо-румынские части шли по территории Советского Союза. То, что началась настоящая война, Амет-Хан с товарищами окончательно убедился, когда на родном аэродроме увидел полыхающие самолёты своего авиаполка.

Растерянность прошла быстро, о скором столкновении с врагом поговаривали давно, хотя и тайком. Амет-Хан рвался в бой, и в первые три дня совершал по 5–6 боевых вылетов за сутки с запасного аэродрома, но на четвёртый день полк со всей материальной частью перестал существовать...

Младшего лейтенанта перебросили в 147-ю истребительную авиационную дивизию Юго-Западного фронта, где Амет-Хан продолжил воевать. И как воевать! В октябре 41-го Султан получил первую награду – орден Красного Знамени, уже тогда командиры называли его мастером воздушной разведки. И своё невероятное мастерство и безудержную отвагу сын крымских гор доказывал делом. В мае 1942 года под Ярославлем на высоте 7 300 метров он атаковал немецкий бомбардировщик. Противник Амет-Хану попался опытный, умело лавировал, уходил на больших скоростях от пулемётных очередей. Поначалу Амет-Хану удалось вывести из строя огневую точку «Юнкерса», но и его пулемёт вскоре затих, кончился боезапас. Тогда он пошёл на таран. Фашист увёртывался, избегал рокового прямого

удара, но Амет-Хан не сдавался. Вспомнилась атака орла в родных горах, и наш лётчик резко взмыл ввысь и сверху ринулся на врага. Его правое крыло рассекло, мгновенно срезало плоскость бомбардировщика, но и смертельно раненный истребитель устремился к земле. Амет-Хан успел покинуть машину, воспользовавшись парашютом.

А внизу крымского орла ждали местные жители с вилами, больно подозрительным показался им смуглый и черноглазый лётчик. Помог орден Красной Звезды, по нему сельчане опознали своего героя. Вездесущие мальчишки тут же доложили, что самолёт фрица упал дальше, а здесь валяется то самое срезанное крыло. Осмотрев его, Амет-Хан тут же обдумал расчёт следующего тарана, такого, при котором сохраняешь машину, а врагу не оставляешь никаких шансов. Вскоре от полкового комиссара, разыскавшего его в селе, над которым происходил бой, Амет-Хан узнал, что сбитых им немецких асов выловили из реки живёхонькими. И очень уж они возмущались, что советский лётчик не по правилам их с неба «ссадил». «Ишь ты, какие! В нашем небе – наши правила!» – усмехнулся тогда Амет-Хан.

За этот подвиг его удостоили орденом Ленина, приняли в партию, а комитет обороны Ярославля вручил именные часы с надписью: «Лейтенанту Красной Армии Амет-Хану Султану, геройски сбившему немецко-фашистский самолёт». А вскоре командование направило лейтенанта Султана в особый 9-й гвардейский полк, где у каждого лётчика имелся солидный счёт уничтоженных самолётов врага, а их незабываемые подвиги были на слуху у всего народа. Одних Героев Советского Союза там насчитывалось 28 человек. Задания лётчикам давались особые, в первую очередь охотиться за прославленными асами из Люфтваффе, и Амет-Хан среди именитых товарищей оказался на высоте. Фашисты больше всего опасались его авиаполка, а самого Султана прозвали «Чёрным дьяволом». Стоило ему появиться в небе, как немецкие

радисты в панике передавали в эфир: «Ахтунг, ахтунг! В небе Амет-Хан!» И «Чёрный дьявол» наносил авиации противника удар за ударом, умело пользуясь своими преимуществами, лётчик замечал врага в сумерках и ночью, когда противник о его приближении даже не догадывался. И с машиной Амет-Хан был одним целым, в бою отличался особенным стилем, старался держать большую высоту, чтобы подобно хищной птице в нужный момент атаковать и выйти победителем. В каждом вылете на задание трезвый расчёт и смелость на грани фантастики для нашего аса являлись обыденным делом. В небе Амет-Хан Султан чувствовал себя настоящим орлом, орлами называл и товарищей по звену, гордился ими, даже на фюзеляжах самолётов его звена были изображены пикирующие орлы.

В марте 1944 года прославленный нацистский пилот, имевший на своём счёту 50 сбитых самолётов, вызвал Амет-Хана на дуэль. Надо признать, что немецкий ас честно соблюдал все условия поединка, которые описал в записке-вызове, сброшенной на наш аэродром. Он позволил Амет-Хану на своей «Аэрокобре» набрать необходимую высоту и лишь после атаковал. Два аса затеяли в небе настоящие демонические пляски, показывая неподражаемое мастерство. Более 15 минут они гонялись в небе друг за другом, пока Амет-Хан короткой очередью не прошил «Мессершмитт», который неосторожно подставил под прицел свой бок.

За годы войны Амет-Хан освоил несколько марок самолётов, летал он на английском «Харрикейне», американской «Аэрокобре», на всех марках отечественных истребителей. С сослуживцами Амет-Хан шутил: «Пересаживаемся с ишака на жеребца». Он вообще славился остроумием, лёгкостью в общении, однополчане любовно звали его «Аметкой». Кудрявый, невысокий, коренастый и подвижный как ртуть Амет-Хан в среде товарищей становился душой любой компании, а в небе с врагом оставался беспощадным мстителем.

Амет-Хан Султан участвовал в Сталинградской битве, в боях на Кубани, в сражениях за освобождение Ростова-на-Дону, Таганрога, Мелитополя, Крыма...

Но, когда в войне случился перелом, и врага стали гнать с родной земли, сослуживцы стали замечать печаль и задумчивость на прежде улыбчивом лице Амета. Любимый Крым всё ещё находился под пятой фашистов, и наш лётчик давно не получал писем от родных. Он узнал, что в целях пропаганды над полуостровом раскидывали листовки, в том числе и с описанием его подвигов. Советские пропагандисты оказали Амет-Хану медвежью услугу, семью «Чёрного дьявола» гестапо вычислило быстро, и родителям советского аса грозил расстрел. Чтобы вывести семью Героя Советского Союза из-под удара, послали партизанский отряд, но Султан и Насиба отказались покидать родной дом, а партизаны в Алупке попали в полицейскую засаду. И это в своё время тоже поставили в вину родителям Амета. Но в те дни, когда им продолжал грозить арест гестапо, опасность отвёл младший брат Имран, который пошёл служить в немецкую охранку, возможно, только из желания спасти мать с отцом.

После освобождения Крыма, во время краткосрочного отпуска в Алупке лётчик-герой стал свидетелем депортации крымско-татарского народа 18–20 мая 1944 года. При депортации на глазах Амет-Хана был арестован его младший брат Имран, которого обвинили в переходе на службу в вспомогательную охранную полицию. Отец Амет-Хана был дагестанцем (лакцем), и поэтому якобы, отца с матерью не депортировали. На самом деле, свою роль сыграли боевые друзья Амет-Хана. Они обращались в высокие инстанции, требовали, чтобы семью прославленного лётчика-героя оставили в покое. Власти уступили: стоит ли поднимать шум из-за одного человека. Так и осталась Насиба единственной крымской татаркой, не депортированной из Крыма.

*Два боевых друга, дважды герои Советского Союза
Павел Головачёв и Амет-Хан Султан**

А война продолжалась. Амет-Хан воевал в Восточной Пруссии, участвовал во взятии Берлина. Последний свой бой гвардии майор А.-Х. Султан провёл за день до взятия Берлина 29 апреля 1945 года над берлинским военным аэродромом «Темпельхоф», сбив «Фокке-Вульф-190».

Всего Амет-Хан совершил 603 боевых вылета. Из них – 70 штурмовиком и 150 истребителем, сбив лично 30 и в составе группы 19 самолётов противника.

Звезду Героя Советского Союза командиру эскадрильи 9-го Одесского Краснознамённого истребительного авиаполка капитану Амет-Хану Султану присвоено 24 августа 1943 года. Второй медалью «Золотая Звезда» гвардии майор Амет-Хан султан награждён 29 июня 1945 года.

По окончании войны легендарного лётчика направили в академию, но оказалось недостаточное довоенное образование, Амет-Хану приходилось тяжело. В конце концов, он написал заявле-

ние с просьбой отчислить его из академии: «Трезво взвешивая уровень своих знаний, не вижу возможности дальнейшей учёбы». Султан, как всегда, был честен сам с собой и с руководством, но едва ли мог предположить, что тем отказом перекрыл себе все пути.

В мирные дни лётчик-ас оказался не востребован. Он остался без жилья и работы. С женой Фаиной и маленьким сыном им пришлось немало поскитаться, жить в гостиницах. Амет пытался не сдаваться, обивал пороги учреждений, но его нигде не брали, в том числе из-за пугающей графы «национальность» в анкете. Шлейф сына депортированного народа тянулся за знаменитым пилотом, перекрывая все его заслуги. И тогда наступили дни депрессии. Лишь в 1947 году друзья обратились за помощью к бывшему их командарму Т. Хрюкину. Он-то и добился для Султана места в Лётно-исследовательском институте. Отставного гвардии майора ждала работа лётчика-испытателя, которую

* Белорус П. Головачёв был с А.-Х. Султаном в отпуске в Крыму и помог ему при опасных недоразумениях с НКВД.

выдерживали не все герои неба, ведь нагрузки там бывали невероятные. Но в новом для себя амплу Амет-Хан опять показал себя лучшим,годились все качества, проявленные им в воздушных боях, а ещё отменное здоровье и неизменное чувство юмора.

Проявилось оно в одном немало-важном для его коллег деле. Командование ВВС как-то решило, что оклады лётчиков-испытателей завышены, и потребовало всем написать заявление с пожеланием уравнивать оплату за свой труд с обычными лётчиками. Написал заявление и Амет-Хан, но внизу приписал шутливо: «Вот только жена категорически против». Возможно, руководство, привыкшее, что их распоряжения выполняются беспрекословно, пропустило это небольшое уточнение. Зато оно попало в глаза Сталину, всегда проявлявшему интерес к испытанию новых машин. И генсек наложил свою резолюцию: «Полностью согласен с женой Амет-Хана». После этого курьёзного случая уже никто не посягал на «кровно» заработанное испытателями за опасный и героический труд.

Карьера лётчика-испытателя двигалась семимильными шагами, Амет-Хан Султан освоил около 100 летательных аппаратов, выводил «сырые» машины, казалось, из безвыходных ситуаций. Каждый его взлёт и приземление, по сути, являлись подвигами. За очередное задание, где он едва не погиб, но сумел запустить замолчавший двигатель уже у земли, Амет-Хана представили к званию Героя Советского Союза в третий раз. Но представление не прошло, сыграла роль принадлежность лётчика к депортированному народу и его упрямое нежелание указывать в анкете национальность отца. И всё же две звезды Героя сияли на его мундире, а рядом с ними три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», несколько медалей, всего и не перечислишь...

И о народе своей матери Амет-Хан не позабыл, отличался не только твёрдой позицией, называя себя крымским

татаринном, но и оказался в числе тех, кто написал письмо с просьбой реабилитировать народ и вернуть его на родину. Находился Султан и в составе крымской делегации, которая обращалась с этим вопросом в ЦК партии на Старой площади. Но крымские татары вернулись в свой дом нескоро, лишь спустя три десятилетия.

Для Амет-Хана «крымский вопрос» всегда был болезненным, но от размышлений о допущенной несправедливости отвлекала любимая работа. Какими только испытаниями он не занимался, без Амет-Хана, похоже, не обходилось ни одно важное нововведение в авиационной технике. Он выполнял первую в стране дозаправку в воздухе, осваивал «сверхзвук», катапультные кресла для сверхзвуковых самолётов, проводил испытания в невесомости и многое другое. Практически каждое из этих заданий было сопряжено со смертельным риском, с любого из них он мог не вернуться. И не вернулся... Случилось это в 1971 году, когда легендарному лётчику исполнилось 50 лет.

Многие его товарищи вспомнили тогда притчу, рассказанную Амет-Ханом на собственном юбилее в ответ на слова однополчанина, не собирается ли он завершить опасную карьеру. В притче говорилось об орлах, которые никогда не умирают на земле. Когда приходит их час, они из последних сил взмывают вверх, а потом камнем падают на землю, встречая смерть в воздухе. Слова Амет-Хана Султана оказались пророческими.

Сколько тёплых и горестных речей было произнесено после его смерти, и они, как ничто другое, характеризовали Амет-Хана. Маршал авиации А. Е. Голованов говорил о нём: «Погиб легендарный лётчик-истребитель войны, крымский татарин. На родине, в Алушке ему при жизни стоял памятник. Первого Героя ему с трудом дали, второго тоже. За те испытания, которые он проводил, за каждое в отдельности, такие, как Галлай, получали Героя. А ему не давали. Я думаю, что второго такого лётчика у нас не было. Конечно, ни Покрышкин, при всем моём уважении

к нему, никто другой с ним не сравнится». А известный конструктор, Герой Советского Союза Владимир Илюшин на похоронах едва смог произнести: «Мой друг Амет погиб. Он дважды Герой Советского Союза. Знайте же, понастоящему он – четырежды Герой Советского Союза. Но ему не дали этого заслуженного звания. К сожалению, ему не дали того, что он заслуживал. Подобных лётчиков я не знал».

Память легендарного аса увековечена в его родной Алушке и в Махачкале, в Киеве и Кировограде, Ярославле и Париже, где на стеле в авиасалоне Ле-Бурже рядом с его именем выбито «Лётчик от Бога». Исчерпывающая характеристика для аса, вошедшего в десятку лучших лётчиков планеты. Его именем назван аэропорт, горный пик и даже малая планета в далёком космосе. О нём сняли фильмы, как документальный, так и художественный, хотя о последнем мнение неоднозначное, ведь фильм «Хайтарма» больше о депортации крымских татар. Такие страницы, ломающая судьба, огненным вихрем репрессий пронесли по сотням тысяч советских семей самых разных национальностей. В те годы подверглись депортации не только крымские татары, но и чеченцы, поволжские немцы, корейцы, карачаевцы, финны, ингуши и так далее. Такова наша, увы, трагическая история, и Амет-Хан не оставался в стороне от неё, но и не шёл против советского строя, страны, против партии, членом которой являлся.

Неудивительно, что вокруг имени знаменитого человека возникает немало споров и тех, кто желает «приватизировать» героя и использовать его в своих целях. Читая обо всех подобных перипетиях, как-то мало верится, что некоторые из этих людей чистосердечно пекутся об Амет-Хане и памяти о нём. Всегда больно осознавать, что чьё-то имя используют, тем более имя такого чистого, честного и скромного человека, как Амет-Хан Султан. Ведь он сам дав-

ным-давно ответил на оспариваемые ныне вопросы, об этом поведал известный аварский писатель Расул Гамзатов. «Был у меня знаменитый друг, дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан. Отец у него дагестанец, а мать – татарка... Дагестанцы считают его своим героем, а татары – своим».

– Чей же ты? – спросил я его однажды.

– Я герой не татарский и не лакский, – ответил Амет-Хан, – я – Герой Советского Союза.

– А чей сын?

– Отца с матерью. Разве можно их отделить друг от друга?»

И эти слова Амет-Хана Султана часто приводят исследователи его героической жизни, только продолжают трактовать по-разному, порой ищут подтекст. А мне видится в этом диалоге весь Амет-Хан, искренний и бесхитрый, без двойного дна. Мы, рождённые в Советском Союзе, были детьми огромной страны, единой семьёй. Дети десятков национальностей жили, росли, учились бок о бок, не деля друг друга по национальному признаку. Амет-Хан не мог рассуждать по-другому, он был сыном этой большой страны.

Бессмысленными и неправильными считал споры и спекуляции на счёт национальной принадлежности Амет-Хана Султана почётный президент Крымского инженерно-педагогического университета Февзи Якубов. «Делить его, на мой взгляд, не нужно. Я считаю, эти споры не имеют смысла. По отцу он – дагестанец, по матери – крымский татарин. Каждая нация гордится своими героями. И это достояние нации, хотим мы этого или нет. Пусть дагестанцы и крымские татары гордятся им, и пусть им гордится вся Россия. Амет-Хан Султан – это символ патриотизма, героизма и пример для воспитания молодёжи. Поэтому не надо заниматься этим дележом. Это богатство, которое должно принадлежать и дагестанцам, и нам, но и, самое главное, – России».

